

Annotation

Вся жизнь Оберн Рид была тщательно распланирована. Цели намечены и ошибкам нет места. Чего она точно не ожидала, придя в Далласскую художественную студию в поисках работы, так это встретить необычайно привлекательного и загадочного местного художника, Оуэна Джентри. Впервые в жизни, Оберн решает рискнуть и последовать зову сердца, но натывается на тайны, которые Оуэн старательно оберегает. Его прошлое угрожает разрушить все, что дорого Оберн, и единственный способ вернуться к прежней жизни – это расстаться с Оуэном. Оуэн не готов потерять Оберн, но как убедить ее, что правда подчас так же субъективна, как и искусство? Все, что он может сделать – открыться ей. Но в этом случае признание может причинить больше вреда, чем сам грех...

* * *

Колин Гувер

Признайся

Пролог

Оберн

Я вхожу в двери больницы, осознавая, что это будет в последний раз.

В лифте я нажимаю кнопку с цифрой три и наблюдаю, как она светится.

В последний раз.

На третьем этаже двери открываются на третьем этаже, и я вижу дежурную медсестру, жалостливо улыбающуюся мне.

В последний раз.

Я прохожу мимо кладовки, мимо комнаты, обустроенной под часовню и комнаты отдыха для персонала.

В последний раз.

Продолжаю свой путь по коридору, смотрю вперед, не глядя по сторонам, собираюсь духом и негромко стучу в дверь, ожидая услышать приглашение Адама.

В последний раз.

– Войдите, – его голос все еще полон надежды, не знаю, как у него это получается.

Он в постели, лежит на спине. Увидев меня, он улыбается, пытаюсь меня подбодрить, и поднимает одеяло, приглашая присоединиться к нему. Поручни уже опущены, поэтому я укладываюсь рядом с ним, обхватываю его грудь рукой и переплетаю вместе наши ноги.

В поисках тепла, я прячу лицо в его шею, но не могу найти.

Он холодный сегодня.

Он ворочается, пока мы не принимаем наше обычное положение: его левая рука подо мной, а правая поверх меня, он притягивает меня к себе. Ему требуется чуть больше времени, чтобы улечься, чем это обычно бывает, и я замечаю, как учащается его дыхание с каждым, даже незначительным, движением.

Я стараюсь не замечать всего этого, но это сложно. Я узнаю его повышенную слабость, его бледную кожу, слабый голос.

Каждый день, во время отведенного мне времени, я смотрю, как он все дальше ускользает от меня, и я ничего не могу с этим поделать. Никто не может, остается только лишь наблюдать, как все проходит.

Мы знали в течение шести месяцев, что это может закончиться таким образом. Конечно, мы все молились о чуде, но оказалось, это не то чудо, которое может случиться в реальной жизни.

Мои глаза закрываются, когда холодные губы Адама касаются моего лба. Я обещала себе, что не буду плакать. Я знаю, что многое невозможно, но я могу, по крайней мере, сделать все от меня зависящее, чтобы предотвратить слезы.

– Мне так грустно, – шепчет он.

Эти слова сильно отличаются от его обычного положительного настроения, но меня это утешает. Конечно, я не хочу, чтобы он грустил, но мне нужна его грусть со мной прямо сейчас.

– Мне тоже.

В течение последних нескольких недель наши встречи были полны смеха и разговоров, без принуждения. Я не хочу, чтобы это мое посещение отличалось от предыдущих, но знание, что это наш последний раз, делает невозможным найти причину для смеха. Или тему для разговора. Я просто хочу плакать вместе с ним и кричать о том, как все это несправедливо по отношению к нам, но это омрачит воспоминания.

Когда врачи в Портленде сказали, что они больше ничем не смогут помочь ему, его родители решили перевести его в больницу в Далласе. Не потому, что они надеялись

на чудо, а потому что вся их семья живет в Техасе, и они решили, что будет лучше, если он будет рядом с братом и всеми, кто его любит. Адам переехал в Портленд с родителями всего за два месяца до того, как мы начали встречаться год назад.

Адам согласился вернуться в Техас при условии, что мне тоже позволят приехать. Это была целая битва, пока, наконец, родители с обеих сторон не дали свое согласие. Хотя Адам утверждал, что он – единственный среди нас, кто умирает, и именно ему позволено диктовать с кем он будет и как произойдет то, чему придет время.

Прошло пять недель с тех пор, как я приехала в Даллас, и мы оба исчерпали сочувствие со стороны наших родителей. Мне сказали, что я должна немедленно вернуться в Портленд, или родителям будут предъявлены обвинения за мои прогулы. Если бы не это, его родители, возможно, позволили бы мне остаться, но последнее, что моим родителям нужно прямо сейчас – правовые споры.

Мой рейс сегодня, и у нас не осталось никаких идей, как убедить их позволить мне остаться здесь еще. Я не говорила Адаму, и не буду, но вчера вечером после нескольких таких просьб, его мать, Лидия, наконец-то высказала свое истинное мнение по этому поводу.

– Тебе пятнадцать, Оберн. Ты думаешь, что твои чувства к нему настоящие, но ты забудешь его через месяц. А мы, те, кто любит его с самого его рождения, будем вынуждены мучиться от потери до самой смерти. Мы – те люди, с которыми он должен быть сейчас.

Это странное ощущение, когда понимаешь, что в пятнадцать лет пережил самые суровые слова из всех, которые ты когда-нибудь услышишь. Я даже не знала, что ответить ей.

Как пятнадцатилетняя девочка может защитить свою любовь, если остальные эту любовь высмеивают? Невозможно защитить себя от неопытности и возраста.

Вдруг, они правы? Вдруг, мы не знаем, что за любовь испытывают взрослые люди, но уверены, что чувствуем именно ее?

И сейчас это чувство разрывает душу.

– Сколько времени до твоего рейса? – спрашивает Адам, медленно и нежно рисуя пальцами круги вниз по моей руке.

В последний раз.

– Через два часа. Твоя мать и Трей внизу, ждут меня. Она говорит, что мы должны уехать через десять минут, чтобы успеть на самолет.

– Десять минут, – повторяет он тихо. – Этого не достаточно, чтобы поделиться с тобой всей мудростью, которую я постиг, лежа на смертном одре. Мне понадобится, по крайней мере, пятнадцать. Может, двадцать.

Я смеюсь, и это, вероятно, самый жалкий, грустный смех, из всех, который когда-либо вырывался из моего рта. Мы оба слышим в нем отчаяние, и он сжимает меня крепче, но ненадолго. У него очень мало сил, даже по сравнению со вчерашним

днем.

Его рука успокаивающе гладит мою голову, и он прижимает губы к моим волосам.

– Я хочу поблагодарить тебя, Оберн, – говорит он тихо. – За многое. Но прежде всего, я хочу поблагодарить тебя за то, что ты такая же обозленная, как я.

Я снова смеюсь. У него всегда найдется шутка, даже когда он знает, что она может быть последней.

– Ты должен быть более конкретным, Адам, потому что прямо сейчас я бешусь от чертовски многого.

Он ослабляет свои объятия и прилагает огромное усилие, перекатившись ко мне так, чтобы мы оказались лицом друг к другу. Кто-то может сказать, что у него карие глаза, но это не так. Они одновременно и зеленые, и коричневые, цвета соприкасаются, но никогда не смешиваются, представляя собой самую ясную и четко очерченную пару глаз, которые когда-либо смотрели в мою сторону. Глаза, которые когда-то были его яркой частью, теперь побеждены несвоевременной судьбой, медленно вытягивающей цвет прямо из него.

– Я имею в виду, что мы оба злимся на смерть, поэтому стали такими жадными ублюдками. И то, что родители не захотели нас понять, полагаю, тоже сыграло не последнюю роль. Ибо не позволили мне побыть с тобой. Это единственное, в чем я нуждаюсь.

Он прав. Я определенно злюсь и на родителей, и на смерть. Но в течение нескольких дней мы так часто это обсуждали, что знаем: мы проиграли, а они победили. Сейчас, я просто хочу сосредоточиться на нем, насладиться каждой последней секундой его близости, пока у меня есть возможность.

– Ты сказал, есть много вещей, за которые хочешь меня поблагодарить. Какая следующая?

Он улыбается и трогает рукой мое лицо. Его большой палец гладит мои губы, и кажется, будто мое сердце бросается к нему в отчаянной попытке остаться здесь, пока моя пустая оболочка вынуждена лететь обратно в Портленд.

– Я хочу поблагодарить тебя за разрешение быть твоим первым, – шепчет он. – И что ты стала таковой для меня.

Его улыбка быстро превращает его из шестнадцатилетнего мальчика на смертном одре в красивого, чувствительного, полного жизни подростка, вспоминающего свой первый секс.

То, как мгновенно он изменился, его слова, вызвали у меня смущенную улыбку на лице. Я тоже вспомнила ту ночь.

Это было прежде, чем мы узнали, что он возвращается в Техас. Мы знали, что скорее всего так и случится, но все еще пытались справиться с этим.

Мы провели целый вечер, обсуждая все, что могло бы быть в нашей жизни, если бы только мы могли иметь возможность остаться вместе навсегда.

Путешествия, брак, дети (даже их имена), места, в которых мы бы жили, и, конечно же, секс.

Мы пророчили себе феноменальную сексуальную жизнь, если бы все было бы по-другому. Наша сексуальная жизнь была бы предметом зависти всех наших друзей. Мы бы занимались любовью каждое утро, прежде чем уйти на работу, и каждую ночь, прежде чем лечь спать, а иногда и посреди дня.

Мы смеялись над этим, но разговор вскоре сошел на нет так, как мы оба поняли, что это было единственной стороной наших отношений, которую мы можем контролировать. Во всем остальном, что нас ждет впереди, мы не имели права голоса, но у нас есть возможность на то личное, что смерть никогда не сможет отнять у нас.

Мы не обсуждали это. Не понадобилось.

Как только он посмотрел на меня, и я увидела свои собственные мысли, отраженные в его глазах, мы начали целоваться и не могли остановиться. Мы целовались, пока раздевались, мы целовались, пока касались друг друга, мы целовались, пока плакали. Мы целовались, пока оба не испытали оргазм, и даже потом мы продолжали целоваться, празднуя наш выигрыш в этой небольшой битве против жизни, смерти и времени.

И мы все еще целовались, когда после всего он держал меня в своих объятиях и сказал мне, что любит.

Точно так же, как он сжимает и целует меня сейчас.

Его рука касается моей шеи, а его губы разделяют с моими то мрачное чувство, когда открываешь прощальное письмо.

– Оберн, – шепчет он мне в губы. – Я так тебя люблю.

Я чувствую вкус своих слез на нашем поцелуе, и я ненавижу, что своей слабостью порчу наше прощание. Он отстраняется от моих губ и прижимается лбом к моему. Я вдыхаю воздуха больше, чем нужно, но мной овладевает паника, осев глубоко в душе и затрудняя мысли.

Грусть словно тепло ползет в моей груди, и чем ближе к сердцу, тем сильнее ощущается ее давление.

– Скажи мне о себе то, что никто не знает.

Он смотрит на меня, его голос пропитан слезами.

– Что-то, что я смогу сохранить для себя.

Он просит меня об этом каждый день, и каждый день я говорю ему то, что никогда не произносила вслух раньше. Я думаю, это успокаивает его – знать обо мне такое, что никто никогда не узнает. Я закрываю глаза и думаю, пока его руки касаются моей кожи везде, куда он может достать.

– Я никогда никому не говорила, какие мысли проносятся в моей голове, когда я засыпаю ночью.

Его рука останавливается на моем плече.

– И какие мысли проносятся в твоей голове?

Я смотрю прямо в его глаза.

– Я думаю о всех тех, чьей смерти желаю, вместо твоей.

Сначала он не отвечает, но в конечном итоге его рука возобновляет свои движения по моей руке, пока он не касается моих пальцев. Он берет меня за руку.

– Спорю, ты не слишком далеко зашла.

Я мягко улыбаюсь и качаю головой.

– Это не так. Я заходила очень далеко. Иногда я называю каждое имя, которое знаю, так что начинаю проговаривать имена людей, с которыми даже лично никогда не встречалась прежде. А иногда придумываю имена.

Адам знает, что я не имею в виду то, что говорю, но ему лучше от сказанного. Он стирает большим пальцем слезы с моей щеки, а я сержусь на себя за то, что не могу даже десять минут продержаться без слез.

– Прости меня, Адам. Я очень старалась не плакать.

Его глаза смягчаются, когда он отвечает:

– Если бы ты сегодня покинула эту комнату без слез, это опустошило бы меня.

От этих слов, я перестала сдерживаться. Я сжала в кулак его рубашку и разрыдалась на его груди, пока он нежно обнимал меня.

Сквозь слезы, я стараюсь услышать стук его сердца, мечтая проклясть все его тело за то, что оно оказалось таким слабым.

– Я так сильно тебя люблю, – его голос бездыханный, и полон страха. – Я буду любить тебя вечно. Даже когда не смогу.

От этого мои слезы текут еще сильнее.

– И я буду любить тебя вечно. Даже когда не должна буду этого делать.

Мы цепляемся друг за друга, поскольку испытываем печаль, настолько мучительную, что становится трудно хотеть жить за ее пределами.

Я говорю ему, как сильно люблю его, потому что хочу, чтобы он знал об этом.

Я сказала о своей любви еще раз. Я повторяю снова и снова, и это гораздо большее количество раз, чем я произнесла вслух когда-либо прежде.

Каждый раз, когда я признаюсь ему, он отвечает мне тем же. Мы так много раз произносим это, что я уже не уверена, кто за кем повторяет, но мы продолжаем говорить снова и снова, до тех пор, пока его брат, Трей, не трогает меня за руку

и не говорит, что пора идти.

Мы все еще говорим это, целуясь.

В последний раз.

Мы все еще говорим, обнимая друг друга.

В последний раз.

Мы все еще говорим, целуясь снова.

В последний раз.

Я до сих пор говорю это...

Глава 1

Оберн

Я ерзаю в кресле, узнав его почасовую ставку.

С моим доходом, мне это не по карману.

– Вы работаете по скользящему графику? – интересуюсь я.

Он пытается не хмуриться, от этого морщины вокруг рта становятся заметнее. Положив руки на стол из красного дерева, он складывает руки вместе, прижимая друг к другу подушечки больших пальцев.

– Оберн, то, что вы просите меня сделать, стоит денег.

Нет, дерьмо.

Он откидывается на спинку стула, прижимает руки к груди, сложив скрестив пальцы на животе.

– Юристы, как свадьбы. Получаешь то, за что платишь.

Это ужасная аналогия, но я не могу набраться смелости сказать ему об этом. Я просто пялюсь на визитную карточку в своей руке. Его рекомендуют, как высококвалифицированного специалиста, и я конечно предполагала, что это будет дорого, но понятия не имела, что настолько.

Мне нужна вторая работа. Может быть, даже третья. Нет, скорее, я должна ограбить чертов банк.

– И никакой гарантии, что судья вынесет постановление в мою пользу?

– Единственное обещание, которое я могу дать, это то, что я буду делать все от меня зависящее, чтобы судья вынес положительное решение. В соответствии с документами, фигурировавшими в деле еще в Портленде, ты поставила себя в затруднительное положение. Разбор дела займет не один день.

– Время – это все, что у меня есть, – бормочу я. – Я вернусь, как только получу первую зарплату.

Он просит секретаря назначить мне новую встречу, а я возвращаюсь обратно в жизнь в жарком Техасе.

За три недели жизни здесь, все, что я знаю о нем: здесь жарко, влажно и одиноко.

Я выросла в Портленде, штат Орегон, и надеялась, что проведу там остаток своей жизни.

Мне приходилось быть в Техасе. Тогда мне было пятнадцать.

Пусть эта поездка была не самой приятной, однако, я ни на секунду не задумывалась о возвращении. Но сейчас я готова на что угодно, лишь бы вернуться обратно в Портленд.

Стянув очки с глаз, начинаю двигаться в направлении своей квартиры.

Жить в центре города Даллас, не то, что жить в центре города Портленд. По крайней мере, в Портленде, все было в шаговой доступности, каждому предоставлялся легкий доступ ко всему, что мог предложить город.

Даллас просторный и обширный.

Я упоминала, что тут тепло? Даже скорее жарко.

Мне пришлось продать свой автомобиль, чтобы позволить себе этот поворот в жизни, так что, теперь, у меня выбор только между общественным транспортом и ногами, учитывая, что нужно беречь каждый пенни, чтобы быть в состоянии позволить себе адвоката, с тем, что только что встречалась.

Не могу поверить, что все так плохо. У меня нет даже своей базы клиентов в салоне, в котором работаю, так что, совершенно ясно, мне придется искать вторую работу. К тому же, понятия не имею, как мне найти на нее время из-за нерегулярного графика, составленного Лидией.

Кстати, о Лидии.

Я набираю ее номер, нажимаю кнопку вызова и жду, пока поднимут трубку. После того, как меня перекидывает на голосовую почту, задумываюсь, оставить сообщение или просто позвонить попозже. В любом случае, я уверена, что она просто удаляет мои сообщения, поэтому нажимаю кнопку отбоя и кладу телефон в кошелек.

Чувствую, как краска приливает от шеи к щекам, а глаза знакомо начинают щипать. Это уже тринадцатый раз, когда я иду домой в моем новом положении, в городе, где проживают чужие мне люди, но я решила, что впервые не заплачу, пока подхожу к

своей входной двери. Мои соседи, наверное, думают, что у меня психоз.

Просто такая долгая дорога от работы до дома, а также долгие прогулки, заставляют меня размышлять о моей жизни, а моя жизнь заставляет меня плакать.

Я останавливаюсь и смотрю в зеркальное окно одного из зданий, чтобы проверить не смазалась ли тушь. Гляжу в свое отражение и мне не нравится то, что я вижу.

Девушка, которая ненавидит каждый выбор, который сделала в своей жизни.

Девушка, которая ненавидит свою карьеру.

Девушка, которая скучает по Портленду.

Девушка, которая отчаянно нуждается во второй работе.

А теперь, я – девушка, читающая вывеску ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ, которую только что заметила в окне.

Требуется Помощь.

Просьба постучать.

Делаю шаг назад и оцениваю здание, перед которым стою.

Я проходила мимо него каждый день по дороге на работу и обратно и никогда не замечала его. Наверное, потому что утро я провожу, разговаривая по телефону, а вечерняя прогулка обычно полна огромным количеством слез, так что мне не до того, что находится вокруг.

Признайтесь.

Вот и все, что здесь написано.

Надпись приводит меня к мысли, что это может быть церковь, но эта мысль быстро отпадает, когда я поближе рассматриваю на стеклянные окна, украшающие фронтальную часть здания. Они покрыты мелкими бумажками различных форм и размеров, не давая ни малейшего шанса заглянуть вовнутрь. Каждая бумажка отмечена словами и фразами, написанными разным почерком.

Я подхожу ближе и читаю некоторые из них.

«Каждый день я благодарна за то, что мой муж и его брат похожи. Это значит, что у моего мужа практически нет шансов узнать о том, что наш сын не от него».

Я прижимаю руку к сердцу. Что это, черт возьми? Читаю следующую.

«Я не говорил со своими детьми вот уже четыре месяца. Они звонят в праздники и на мой день рождения, но никогда просто так. Я не виню их. Я был ужасным отцом».

Читаю другую.

«Я солгал в своем резюме. У меня нет диплома об образовании. В течение пяти лет я работал на работодателя, и никто так и не попросил показать его».

Мой рот открывается, а глаза распахиваются.

Пока я стою и читаю все признания, мои глаза готовы вылезти из орбит.

Я все еще не знаю, что это за здание и что думаю обо всех этих признаниях, выставленных напоказ всему миру, но чтение бумажек каким-то образом дает мне ощущение нормальной жизни.

Если это все правда, то, возможно, моя жизнь не так уж плоха, как мне кажется.

Простояв почти пятнадцать минут, подхожу ко второму окну. Когда я прочитываю большинство признаний справа от двери, она вдруг начинает открываться. Я отступаю назад, чтобы избежать удара, в то же время борюсь с непреодолимым желанием обойти дверь и заглянуть вовнутрь здания.

Рука тянется к вывеске ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ и снимает ее. Я слышу, как маркер скользит по виниловой вывеске, хотя все еще стою за дверью.

Решив получше взглянуть на того, кто это и что это за место, начинаю обходить дверь, и вдруг рука снова вешает табличку ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ обратно на окно.

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ

ПРОСЬБА СТУЧАТЬСЯ

ОТЧАЯННО НУЖДАЕМСЯ!!

СТУКНИТЕ В ЭТУ ЧЕРТОВУ ДВЕРЬ!!

Я смеюсь, прочитав изменения, внесенные в табличку.

Может быть, это судьба. Я отчаянно нуждаюсь во второй работе, а этот кто-то отчаянно нуждается в помощи.

Затем дверь открывается еще сильнее, и я попадаю под пристальный взгляд. Гарантирую, что в этих глазах больше оттенков зеленого, чем на забрызганной краской рубашке.

Его волосы черные и густые, и он использует обе руки, чтобы убрать их со лба, чтобы максимально открыть свое лицо. Его глаза поначалу широко распахнуты и полны тревоги, но увидев меня, он вздыхает. Словно он знает, что я стою именно там, где должна быть, и он с облегчением обнаруживает, что я наконец-то здесь.

Он сосредоточенно смотрит на меня несколько секунд. Я переступаю с ноги на ногу и отвожу взгляд в сторону. Не потому, что мне неловко, а из-за того, как он странно успокаивающе на меня смотрит.

Это, наверное, первый раз, когда я чувствую, что мне рады, с тех пор, как приехала в Техас.

— Вы здесь, чтобы спасти меня? — спрашивает он, снова привлекая мое внимание к своим глазам.

Он улыбается, удерживая дверь открытой локтем. Оценивает меня с ног до головы.

Не могу ничего с собой поделаться, мне интересно, что он думает обо мне.

Я смотрю на знак ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ и прокручиваю в голове миллион сценариев того, что может произойти, если я отвечу на его вопрос положительно и последую за ним в это здание.

Наихудший сценарий, который я могу придумать – все закончится моим убийством. К сожалению, это недостаточно сдерживающий фактор, учитывая прошедший месяц.

– Вы тот, кто предлагает работу? – интересуюсь я.

– Если вы та, кто на нее нанимается.

Его голос явно дружелюбен. Я не привыкла к открытому дружелюбию и не знаю, как к этому отнестись

– У меня есть несколько вопросов, прежде чем я соглашусь помочь вам, – заявляю я, гордясь собой, что не выгляжу желающей быть убитой.

Он хватается за знак ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ и убирает его с окна. Забросив его в здание, он упирается спиной к двери, толкает ее и открывает настолько, насколько это возможно, жестом указывая путь.

– На самом деле, у нас нет времени на вопросы, но я обещаю, что не буду мучить, насиловать или убивать вас. Если это поможет.

Его голос все еще приятный, несмотря на сказанное. На лице – улыбка, демонстрирующая почти идеальные зубы со слегка искривленным центральным левым резцом. Но этот незначительный недостаток в его улыбке, на самом деле, мне нравится больше всего. Это и полное игнорирование моих вопросов.

Я ненавижу вопросы.

Может оказаться, что эта работенка не такая уж и плохая.

Я вздыхаю и проскальзываю мимо него, чтобы попасть во внутрь здания.

– Во что я ввязываюсь? – бурчу я.

– То, из чего уже не выпутаешься, – отвечает он.

Дверь за нами закрывается, лишая комнату естественного освещения. Было бы неплохо, если бы присутствовало внутреннее освещение, но его нет. Только слабое свечение из того, что выглядит как коридор в конце комнаты.

Тут мое сердце начинает колотиться, сигнализируя мне, насколько я глупа, раз зашла в здание с совершенно незнакомым человеком.

Вдруг, лампы начинают гудеть и пробуждаться к жизни.

– Прошу прощения.

Его голос так близко, что я разворачиваюсь, как только первая из люминесцентных ламп набирает полную мощность.

– Я обычно не работаю в этой части студии, так что свет здесь обычно выключен для экономии энергии.

Теперь, когда освещается все пространство, я неторопливо рассматриваю помещение. Стены совершенно белые и украшены разнообразными картинами. Я не могу хорошенько разглядеть их, потому что все они расположены в нескольких метрах от меня.

– Это художественная галерея?

Он хмыкает, что мне кажется необычным, и я поворачиваюсь к нему лицом.

Он с любопытством смотрит на меня, прищурив глаза.

– Ну, я считаю, картинная галерея – это слишком громко сказано.

Он разворачивается, запирает входную дверь и проходит мимо меня.

– Какой у тебя размер?

Он идет через широкую комнату, направляясь к прихожей.

Я до сих пор не знаю, почему я здесь, но то, что он спрашивает какой у меня размер, увеличивает мою тревогу намного больше, чем всего пару минут назад.

Он интересуется какой по размеру подобрать мне гроб? А у наручников есть размеры?

Так, я слишком волнуюсь.

– Что ты имеешь в виду? Размер моей одежды?

Он поворачивается ко мне лицом и продолжает идти задом наперед, двигаясь в направлении коридора.

– Да, твой размер одежды. Ты не можешь показаться сегодня вечером в этом, – показывает он на мои джинсы и футболку.

Жестом приказывает следовать за ним и поднимается по лестнице, ведущей к комнате над нами.

Я может и запала на симпатичный и слегка искривленный зуб, но следовать за незнакомцем в неизвестном направлении – это то, где я должна, вероятно, провести черту.

– Подожди, – окликаю его, останавливаясь у подножия лестницы.

Он притормаживает и оборачивается.

– Можешь ли ты мне, по крайней мере, объяснить, что сейчас происходит? Потому что я начинаю представлять, чем может кончиться мое идиотское решение довериться совершенно незнакомому человеку.

Он смотрит через плечо в сторону куда ведет лестница, а затем снова на меня. Позволяет себе раздраженный вдох, прежде чем спуститься вниз на несколько шагов. Садится и смотрит мне прямо в глаза. Уперев локти в колени, он наклоняется вперед, спокойно улыбаясь.

– Меня зовут Оуэн Джентри. Я художник, и это моя студия. У меня выставка меньше, чем через час. Мне нужно чтобы кто-то вел мои потенциальные сделки, а моя девушка рассталась со мной на прошлой неделе.

Художник. Выставка.

Менее, чем через час?

И девушка? Так, не думай об этом.

Я переминаюсь с ноги на ногу, оглядываю еще раз студию у себя за спиной и снова перевожу взгляд на него.

– Мне не надо иметь какую-то подготовку?

– Ты знаешь, как пользоваться обычным калькулятором?

Я закатываю глаза.

– Да.

– Считай, что уже готова. Ты нужна мне здесь в лучшем случае в течение двух часов, а затем я дам тебе твои две сотни баксов и можешь идти своей дорогой.

Два часа.

Две сотни баксов.

Что-то тут не так.

– В чем подвох?

– Нет никакого подвоха.

– Если ты платишь сотню долларов в час, то почему нуждаешься в помощи? Здесь точно есть подвох. У тебя должны быть толпы желающих.

Оуэн проводит ладонью по его челюсти, двигая ее вперед-назад, словно пытаюсь снять напряжение.

– Моя подруга не упомянула, что бросит свою работу в тот же день, когда порвет со мной. Я позвонил ей два часа назад, когда она не явилась, чтобы помочь мне подготовить здесь все. Это своего рода поиск работника в последнюю минуту. Возможно, ты просто оказалась в нужном месте в нужное время.

Он останавливается и оборачивается. Я по-прежнему стою в конце лестницы.

– Ты взял в сотрудницы собственную подружку? Не самая лучшая идея.

– Я сделал из сотрудницы подружку. Это еще хуже.

Он притормаживает в самом верху лестницы, и обернувшись, смотрит на меня сверху вниз.

– Как тебя зовут?

– Оберн.

– А остальная часть твоего имени, Оберн?

– Мейсон Рид.

Оуэн медленно запрокидывает голову в сторону потолка, выдыхая. Я следую за его взглядом и гляжу на потолок, но там ничего нет, кроме белых потолочных плит.

Он поднимает правую руку и касается своего лба, затем груди, потом продолжает движение от плеча к плечу, пока не освящает себя знаком креста.

Что, черт возьми, он делает? Молится?

Он смотрит вниз на меня, теперь улыбаясь.

– Мейсон действительно твое второе имя?

Я киваю. Насколько я знаю, Мейсон – не самое странное второе имя, и я в полном недоумении, почему он выполняет религиозные ритуалы.

– У нас одинаковые вторые имена, – объясняет он.

Я говорю не сразу, позволяя себе просчитать вероятность ответа.

– Ты серьезно?

Он небрежно кивает, лезет в задний карман, вытаскивает бумажник и спускается по лестнице, протягивая мне свои права. Я смотрю в них, и конечно, его среднее имя Мейсон.

Сжав губы, я передаю ему обратно водительское удостоверение.

ОМД. (англ. буквы OMG – аббревиатура, означающая в амер. слэнге «О, Боже мой!», используемая в разговоре молодых американцев).

Я стараюсь сдержать смех, но получается плохо, тогда я закрываю рот, надеясь, что получается незаметно.

Он засовывает свой бумажник обратно в карман. Подняв брови, он смотрит на меня с подозрением

– Так быстро поняла?

Мои плечи трясутся от сдерживаемого смеха.

Это ужасно. Мне так... так жаль его.

Он закатывает глаза и выглядит немного неловко, так как пытается скрыть собственную улыбку. Он поднимается вверх по лестнице с гораздо меньшей уверенностью, чем раньше.

– Вот почему я никогда никому не говорю мое второе имя, – бормочет он.

Чувствую себя виноватой за то, что нахожу это смешным, но его смущение, наконец, придает мне мужество проделать остальной путь по лестнице.

– Твои инициалы действительно ОМД?

Я кусаю щеку изнутри, пытаюсь сдержать улыбку, которую хочу спрятать от него.

Добираюсь до вершины лестницы. Не обращая на меня никакого внимания, он прямоком направляется к комоду. Выдвигает ящик и начинает в нем копаться, так что я, пользуясь возможностью, осматриваю эту громадную комнату.

В дальнем углу расположена большая кровать, кажется, “королевского” размера. В противоположном углу находится полностью оборудованная кухня, с двумя дверями, ведущими в другие комнаты.

Я в его квартире.

Он оборачивается и бросает мне что-то черное. Я ловлю и разворачиваю то, что оказалось юбкой.

– Это должно подойти. Ты выглядишь примерно одного размера с предательницей.

Он подходит к шкафу и снимает с вешалки белую рубашку.

– Смотри, вроде подойдет. Обувь сойдет и твоя.

Я беру у него рубашку и смотрю в сторону двух дверей.

– Ванная комната?

Он указывает на дверь слева.

– Что если они не подойдут? – спрашиваю я, обеспокоенная, что он не сможет принять мою помощь, если я не буду профессионально одета.

Двести долларов не так просто получить.

– Если они не подойдут, мы сожжем их со всем остальным, что она оставила.

Я смеюсь и иду в ванную. Как только оказываюсь внутри, не теряю времени на осмотр ванной комнаты, а начинаю переодеваться в одежду, которую он дал мне. К счастью, они подходят идеально.

Я смотрю на себя в зеркало в полный рост и перевожу взгляд на ту катастрофу, что являют собой сейчас мои волосы. Мне должно быть стыдно от того, что я считаю себя стилистом. Я не касалась их с того момента, как утром покинула квартиру.

Быстро приглаживаю их, и используя одну из расчесок Оуэна, собираю их пучок.

Складываю только что снятую одежду и кладу ее на столешницу.

Выходя из ванной, вижу, как Оуэн на кухне наливает два бокала вина. Немного раздумываю, должна ли я сказать ему, что до того момента, когда мне можно будет пить, осталось еще несколько недель, но мои нервы требуют бокал вина прямо сейчас.

– Все подошло, – сообщаю я, подходя к нему.

Он поднимает глаза и смотрит на мою рубашку гораздо дольше, чем требуется, чтобы понять насколько она подходит. Он прочищает горло и отводит взгляд вниз на вино, которое он наливает.

– На тебе выглядит лучше, – бросает он.

Я опускаюсь на стул, стараясь скрыть свою улыбку. Прошла куча времени, с тех пор как я получала комплименты, и я уже подзабыла, как это приятно.

– Ты не это хотел сказать. Тебе просто грустно из-за разрыва.

Он толкает мне стакан вина через бар.

– Мне не грустно, я уже успокоился. И я абсолютно серьезно.

Он поднимает бокал, поэтому я поднимаю свой.

– За бывших подружек и новых сотрудниц.

Я посмеиваюсь. Наши бокалы звенят от соприкосновения.

– Это лучше, чем за бывших сотрудниц и новых подружек.

Он делает паузу, касается губами своего бокала, наблюдая, как я делаю глоток. Когда я заканчиваю, он усмехается и тоже делает глоток.

Я ставлю бокал на стол, что-то мягкое касается моей ноги. Моя первоначальная реакция – закричать, и это именно то, что сейчас происходит.

Или, по-моему, шум, вырывающийся из моего рта больше похож на визг.

В любом случае, я поднимаю ноги и смотрю вниз, чтобы увидеть, как черный, длинношерстный кот трется о стул, на котором я сижу. Сразу же опускаю ноги на пол и нагибаюсь, чтобы взять кота.

Я не знаю, почему, но, то, что у этого парня есть кошка, облегчает мой дискомфорт больше, чем что-либо. Не похоже, что человек, имеющий домашнего питомца, может быть опасен. Я знаю, что это не лучшее оправдание для нахождения в квартире незнакомца, но это заставляет чувствовать себя лучше.

– Как зовут твоего кота?

Оуэн протягивает руку и запускает пальцы кошке в загривок.

– Оуэн.

Я сразу же начинаю смеяться над шуткой, но выражение его лица остается невозмутимым. Я смеюсь еще несколько секунд и останавливаюсь, увидев, что он собирается поддержать мое веселье.

– Ты назвал свою кошку в честь себя? Seriously?

Он смотрит на меня, и я вижу, как играет маленькая улыбка в уголке его рта. Он пожимает плечами, почти стыдливо.

– Она напоминает мне себя.

Я снова смеюсь.

– Она? Ты назвал самку кошки – Оуэн?

Он смотрит на кошку по имени Оуэн и продолжает гладить ее, в то время как она сидит у меня на руках.

– Тс-с, – укоряет он тихо. – Она понимает тебя. Ты зародишь в ней комплекс.

Словно он прав, и она действительно слышит, как я высмеиваю ее имя, кошка Оуэн выпрыгивает из моих рук и приземляется на пол. Она исчезает за баром, и я заставляю себя стереть улыбку со своего лица.

Мне нравится, что он назвал кошку своим именем. Но кто так делает?

Ставлю локоть на стойку и кладу подбородок на руку.

– Так что же я должна сделать для тебя сегодня вечером, ОБожеМой?

Оуэн качает головой, берет бутылку вина и помещает ее в холодильник.

– Начни с того, чтобы никогда не обращаться ко мне так. После того, как ты с этим согласишься, я коротко расскажу тебе о том, что вот-вот произойдет.

Мне немного неловко, но его, кажется, это позабавило.

– Идет.

– Прежде всего, – начинает он, наклоняясь через стойку. – Сколько тебе лет?

– Недостаточно взрослая, чтобы пить вино.

И делаю еще один глоток.

– Оппа, – говорит он сухо. – Чем ты занимаешься? Учишься в колледже?

Он кладет подбородок в ладонь и ждет ответа на свои вопросы.

– Как эти вопросы готовят меня к сегодняшней работе?

Он улыбается. Его улыбка исключительно приятна, особенно в сопровождении нескольких глотков вина. Он кивает и выпрямляется.

Взяв бокал из моей руки, он ставит его обратно на стойку.

– Следуй за мной, Оберн Мейсон Рид.

Я делаю то, что он просит, потому что за 100 долларов в час буду делать практически все, что угодно.

Ну, почти все.

Когда мы спускаемся снова на первый этаж, он отходит в центр комнаты, поднимает руки и делает полный оборот по кругу. Я следую за его взглядом по комнате, охватывая простор комнаты.

То, как падает освещение – это то, что в первую очередь бросается в глаза. Каждый источник света фокусируется на живописи, украшающей совершенно белые стены студии, притягивая свое внимание только к картинам и больше ни к чему другому.

Правда, там действительно нет ничего другого. Белые потолок и стены, отполированный бетонный пол и картины.

Это одновременно и просто, и подавляюще.

– Это моя студия.

Он делает паузу и указывает на живопись.

– Это искусство.

Он указывает на прилавок с другой стороны комнаты.

– А здесь ты проведешь основную часть времени. Я буду работать в зале, а ты оформлять покупки. По большей части – это все.

Он объясняет все это так небрежно, будто каждый вполне может создать нечто такого же масштаба. Он кладет руки на бедра и ждет, когда я впитаю информацию.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю его.

Сузив глаза, и он опускает голову, прежде чем отвести взгляд.

– Двадцать один, – говорит он так, будто возраст смущает его.

Будто ему не нравится, что он такой молодой и уже имеет успешную карьеру.

Я думала, он намного старше. Его глаза не похожи на глаза двадцатиоднолетнего парня. Они темные и глубокие, и у меня появляется внезапное желание окунуться в их глубины, чтобы увидеть все то, что видит он.

Я поворачиваюсь и перемещаю свое внимание на картины. Иду к той, что ближе всего ко мне, и с каждым шагом убеждаюсь в таланте, скрывающемся за кистью. Подхожу к

той, что поближе, и у меня перехватывает дыхание.

Она грустная, захватывающая и красивая одновременно. Картина о женщине, которую, кажется, охватывают и любовь, и стыд, и каждую промежуточную эмоцию.

– Что ты используешь, помимо акриловых красок? – спрашиваю я, делая шаг ближе.

Я вожу пальцем по холсту и слышу его приближающиеся шаги. Он останавливается рядом со мной, но я долго не могу оторвать глаз от картины, чтобы оглянуться на него.

– Я использую много разных средств, от акрила для распыления краски. Зависит от того, что я рисую.

Мои глаза замечают прикрепленный к стене листок бумаги рядом с живописью. Вчитываюсь в слова, написанные на нем.

Иногда мне кажется легче умереть, чем быть его матерью.

Я прикасаюсь к бумаге, а затем смотрю на картину.

– Признание?

Я поворачиваюсь к нему, его веселая улыбка исчезла. Руки плотно сложены на груди, подбородок опущен. Он смотрит на меня, нервно ждет моей реакции.

– Да, – односложно отвечает он.

Я смотрю в окно, на бумажки, покрывающие стекло. Мой взгляд двигается по комнате, охватывая все картины и я замечаю полоски бумаги, прикрепленные к стене рядом с каждой.

– Это все признания? – произношу я в страхе. – Они от реальных людей? Людей, которых ты знаешь?

Он качает головой и идет в сторону входной двери.

– Они все анонимны. Люди кидают свои признания в отверстие вон там, а я использую некоторые из них, как вдохновение для моего искусства.

Я иду к следующей картине и читаю исповедь, прежде чем посмотреть на ее интерпретацию.

Я никогда не позволяю никому увидеть себя без макияжа. Мой самый большой страх – то, как я буду выглядеть на своих похоронах. Я почти уверена, что буду кремирована, потому что моя неуверенность сидит во мне так глубоко, что будет преследовать меня и в загробной жизни. Спасибо тебе за это, мама.

Я сразу же перевожу внимание на картину.

– Это невероятно, – шепчу я, вращаясь вокруг, чтобы оглядеть все, что он создал. Я иду к окну признаний, и нахожу то, что написано красными чернилами и подчеркнуто.

Я боюсь, никогда не перестану сравнивать свою жизнь без него с той жизнью, когда я была с ним.

Не знаю, что потрясло меня больше, воплощение признаний в искусство или то, что я могу коснуться руками чьего-то сокровенного.

Я очень замкнутый человек. Я редко делюсь своими настоящими мыслями с кем бы то ни было, даже если это могло бы быть полезным для меня.

Но соприкосновение с чужой тайной, и знание того, что люди, вероятно, никогда не делились ею ни с кем и не будут впредь, заставляет меня чувствовать связь с ними.

Чувство принадлежности. В некотором смысле, студия и признания напоминают мне Адама.

Расскажи мне что-нибудь о себе, что никто не знает. Что-то, что я могу сохранить для себя.

Я ненавижу то, что всегда связываю Адама со всем, что вижу и делаю.

Интересно, это когда-нибудь кончится? И кончится ли вообще?

Прошло пять лет с тех пор, как я в последний раз видела его.

Пять лет, как он скончался.

Пять лет, а я задаюсь вопросом, как и в признании передо мной, буду ли я вечно сравнивать свою жизнь с ним с жизнью без него.

И мне интересно, сколько будет длиться это разочарование.

Глава 2

Оуэн

Она здесь. Прямо здесь. Стоит в моей студии, разглядывая мое творчество.

Никогда не думал, что увижу ее снова. Я был так уверен, что вероятность того, что наши пути когда-нибудь пересекутся, минимальна, что даже не могу вспомнить, когда в последний раз думал о ней.

Но вот она, стоит прямо передо мной.

Мне хочется спросить ее, помнит ли она меня, но я знаю, что нет.

Как она могла запомнить, если мы не обменялись и парой слов?

И все же, я ее помню.

Я помню звук ее смеха, ее голос, ее волосы, хотя ее волосы раньше были намного короче. И хотя я знал ее еще тогда, мне никогда не приходилось разглядывать ее лицо.

Теперь, когда она рядом, я должен заставить себя не смотреть слишком пристально. Не из-за ее скромной красоты, а потому, что она выглядит вблизи точно так, как я себе ее представлял.

Однажды я пытался нарисовать ее, но не смог вспомнить достаточно, чтобы закончить картину. У меня чувство, что после сегодняшнего вечера, я попытаюсь снова. И я уже знаю, как назову картину – «Больше, чем одна».

Она переключает свое внимание на другую картину, а я отворачиваюсь, прежде чем она заметит, что я уставился на нее. Не хочу, чтобы стало слишком очевидно, как я пытаюсь выяснить, какие цвета нужно смешать, чтобы воссоздать уникальный оттенок тона ее кожи, или как бы я ее нарисовал, с распущенными или собранными волосами.

Я сейчас должен заняться кучей вещей, а не тарашиться на нее.

Что я должен делать? Принять душ. Переодеться. Подготовиться к встрече всех тех людей, которые придут на выставку через пару часов.

– Мне нужно по-быстрому принять душ, – говорю я.

Она оборачивается с такой скоростью, словно я напугал ее.

– Не стесняйся, осмотрись. Когда закончу, разберемся с остальным. Это не займет много времени.

Она кивает и улыбается, и впервые, я задумываюсь, а Ханна – кто?

Ханна – последняя девушка, которую я нанял, чтобы помочь мне. Ханна – девушка, которая не смирилась быть второй по важности в моей жизни. Ханна – девушка, которая порвала со мной на прошлой неделе.

Надеюсь, Оберн не как Ханна.

Было столько всего, что я в ней не любил, и так не должно было быть. Ханна разочаровывала меня при разговоре, поэтому основную часть проведенного вместе времени, мы не разговаривали.

И она постоянно, постоянно рассказывала, что, если написать ее имя наоборот, все равно получится Ханна. (Ханна по англ. пишется Hannah)

– Палиндром, – уточнил я, когда она первый раз сказала мне об этом. (Прим. редактора – слово, читающиеся одинаково в обоих направлениях)

Она ответила мне недоуменным взглядом. Вот когда я понял, что никогда не смогу полюбить ее.

Какой-то бесполезной тратой палиндрома она была, эта Ханна.

Но я уже могу сказать, что Оберн не похожа на Ханну.

Я вижу глубину в ее глазах. Я вижу, как мое искусство влияет на нее, как она фокусируется на нем, игнорируя все остальное вокруг.

Надеюсь, она совершенно не похожа на Ханну. Она даже выглядит в одежде Ханны лучше, чем Ханна.

Ну вот. Еще один палиндром

Захожу в ванную, смотрю на ее одежду и хочу спустить ее вещи вниз. Просто хочу сказать ей, чтобы вечером она надела свою одежду, а не одежду Ханны. Хочу, чтобы она была самой собой, была в том, в чем ей будет удобно, но мои клиенты – богачи и элита общества, ожидающие черные юбки и белые рубашки. Никак не синие джинсы и эту розовую (это розовый или красный?) майку, которые заставляют меня вспомнить о миссис Деннис, моем школьном учителе рисования.

Миссис Деннис любила искусство. Также миссис Деннис любила художников. И в один прекрасный день, увидев, как невероятно талантливо я рисую кистью, миссис Деннис полюбила меня. В тот день ее рубашка была розового или красного цвета, а может, и того и другого одновременно. Вот что я вспоминаю, глядя на рубашку Оберн, потому что миссис Деннис...

Кто?

Она не палиндром, хотя, если написать ее имя наоборот, получается весьма уместно, так как Деннис = Синнед, что означает – Согрешили, а это именно то, что мы и сделали.

Мы грешили целый час. И она больше, чем я.

И не думайте, что это признание не превратилось в живопись. Это была одна из первых проданных мною картин. Я назвал ее «Она согрешила со мной. Аллилуйя».

Но, увы, я не хочу думать о средней школе или миссис Деннис, или Палиндроме Ханне, потому что они в прошлом, а сейчас уже настоящее, и Оберн..., каким-то образом, она – и то, и другое.

Она будет потрясена, если узнает, насколько ее прошлое повлияло на мое настоящее, вот почему я не говорю ей всей правды.

Некоторые секреты никогда не должны превращаться в признания. Мне известно это лучше, чем кому-либо.

Не знаю, что мне делать с тем, что она просто появилась на моем пороге, тихая, с широко раскрытыми глазами. Не представляю, как в это поверить. Полчаса назад я верил в совпадения и случайности. А теперь? Мысль, что ее присутствие здесь – простое совпадение, просто абсурдна.

Спустившись вниз вижу, как она все еще стоит неподвижно, разглядывая картину, которую я назвал «Ты не существуешь, Бог. А если это не так, то тебе должно быть стыдно».

Конечно, не я – тот, кто дал ей название. Я никогда не называю картины сам. Все они получают названия благодаря анонимным признаниям, которыми я вдохновляюсь.

Я не знаю почему, но это признание вдохновило меня написать мою мать. Не такой, какой я ее помню, а такой, как я представлял себе она выглядела в моем возрасте. И не из-за ее религиозных взглядов признание напомнило мне о ней. Слова всколыхнули воспоминания о том, как я чувствовал себя в первые месяцы после ее смерти.

Я не знаю, верит ли Оберн в Бога, но что-то в этой картине тронуло ее. Слеза катится по ее щеке и медленно катится по щеке. Она слышит меня, или, возможно, видит, как я встал рядом с ней, потому что смахивает ее со щеки тыльной стороной ладони и переводит дыхание.

Она, кажется, смущена, что картина возымела на нее такой эффект. Или, может быть, ей просто стыдно, что я увидел, как мое произведение подействовало на нее.

Я не спрашиваю ее мнение о моей живописи, или почему плачет, просто смотрю на картину вместе с ней. Я хранил ее в течение года и только вчера решил ее выставить на суд посетителей. Я, как правило, не держу свои работы так долго, но по причинам мне непонятным, от этой труднее отказаться, чем от остальных. От них ото всех трудно отказываться, но с некоторыми сложнее, чем с другими.

Может быть, я боюсь, что как только картины покинут меня, они будут неправильно поняты. Недооценены.

– Это был действительно быстрый душ, – усмехается она.

Она пытается сменить тему, хотя мы ничего не обсуждали вслух. Мы оба знаем, пусть мы и молчали, но в течение последних нескольких минут центром внимания были ее слезы и то, что было их причиной.

Почему тебе так понравилась эта часть выставки, Оберн?

– Я всегда принимаю душ быстро, – заявляю я и понимаю, что мой ответ не производит впечатления.

Почему я даже не пытаюсь быть впечатляющим?

Я поворачиваюсь к ней, она делает то же самое, но сначала смотрит себе под ноги, она все еще смущена тем, что я видел, как подействовало на нее мое искусство.

Мне нравится, что она сначала посмотрела на свои ноги, потому что меня ее стеснительность восхищает.

Только тот бывает смущенным, кому важно мнение других.

Это означает, что ее заботит мое мнение, пусть отчасти. Мне это нравится, потому что меня, очевидно, волнует ее мнение обо мне. Иначе я бы тайно не надеялся, чтобы ее действия и разговоры не напоминали мне о палиндроме «Ханна».

Она медленно поворачивается, и я стараюсь придумать что бы такое впечатляющее ей сказать. Я еще не готов, хотя ее глаза уже встретились с моими и, похоже, она

надеется, что во мне достаточно уверенности заговорить первым.

И я заговорю первым, правда, думаю, что уверенность не играет здесь особой роли.

Смотрю на мое запястье, чтобы проверить время, а ведь я не ношу часы. Быстро чешу несуществующий зуд.

Вряд ли, я смотрюсь уверенным в себе.

– Мы открываемся через пятнадцать минут, так что я должен объяснить тебе, как это все работает.

Она выдыхает, почему-то, мои слова делают ее более расслабленной и спокойной.

– Звучит хорошо, – откликается она.

Я подхожу к «Ты не существуешь, Бог» и указываю на признание, приклеенное к стене.

– Эти исповеди являются названиями картин. Цены написаны на обороте. Все, что тебе необходимо сделать – записать покупку, дать им заполнить информационную карту для доставки картины и прикрепить признание к карте доставки. Так я буду знать, куда их отправить.

Она кивает и смотрит на карточку. Вижу ей хочется взглянуть поближе, так что я снимаю ее со стены и отдаю ей. Слежу, как она снова читает признание, прежде чем перевернуть карточку.

– Думаешь люди покупают свои собственные признания?

Я знаю, что они делают это. Люди признавались мне, что они – те, кто написал признание.

– Да, но я предпочитаю не знать об этом.

Она смотрит на меня, как на безумного, но с интересом, поэтому решаю не обращать внимания на взгляд.

– Почему ты не хочешь знать? – задает она вопрос.

Я пожимаю плечами, и ее глаза скользят к моим плечам, и кажется, задерживаются на моей шее. Это заставляет меня задаться вопросом, что она думает, когда она смотрит на меня вот так.

– Знаешь, бывает слышишь группу по радио, и представляешь их у себя голове? – начинаю объяснять я. – Но потом увидев их фотографию или видео с ними, понимаешь, что между твоим воображением и реальностью нет ничего общего? Не обязательно лучше или хуже, чем представлял себе, просто по-другому?

Она понимающе кивает.

– И здесь также, я заканчиваю картину, и кто-то говорит мне, что его признание вдохновило меня. Когда я пишу картину, я создаю свою историю в голове, представляю себе, что побудило человека на это признание и кто его прислал.

Она улыбается и смотрит на свои ноги.

– Есть такая песня, называется» Hold On «группы Alabama Shakes, – говорит она, объясняя причину ее пылающих щек.

– Я слушала эту песню больше месяца, прежде чем увидела видео и поняла, что певец – женщина. Это говоря о выносе мозга.

Я смеюсь. Она прекрасно понимает, о чем я говорю. Не могу перестать улыбаться, потому что знаю эту группу, и с трудом верю, что кто-то думает, что певец – мужчина.

– Она же называет свое имя в песне, разве нет?

Она пожимает плечами, и теперь, я смотрю на ее плечи.

– Я думала, он имел в виду кого-то другого, – бормочет она, все еще называя певицу «он», хотя теперь знает, что это – она.

Она отводит взгляд, и обойдя меня, направляется к стойке. Она по-прежнему держит признание в руке, и я позволяю ей унести его с собой.

– А ты думал о том, чтобы позволить людям покупать картины анонимно?

Я подхожу в противоположной стороне стойки и наклоняюсь вперед, ближе к ней.

– Не сказал бы, что размышлял над этим.

Она пробегает пальцами по прилавку, калькулятору, информационным картам, моим визитным карточкам. Берет одну. Перевернув ее, произносит:

– Тебе нужно печатать на обороте признания.

Как только эти слова покидают ее рот, она сжимает губы в тонкую линию. Она думает, что я оскорбился ее предложением, но это не так.

– Какая мне польза от того, что покупки станут анонимными?

– Ну, – рассуждает она, осторожно ступая, – если бы я была одной из тех людей, кто написал одно из них...

Она поднимает руку с признанием.

– Я была бы слишком смущена, чтобы купить его. Я бы побоялась, что ты узнаешь, что я была той, кто написал его.

– Думаю, редко те, кто пишут признания на самом деле приходят на выставку.

Она, наконец, протягивает мне признание, затем кладет руки на прилавок.

– Даже если бы я не писала признание, я была бы слишком смущена для покупки картины, боясь, что ты подумаешь, что это я написала его.

Хорошая точка зрения.

– Думаю, что признания добавляют элемент реалистичности твоим картинам, которой нет в другом виде искусства. Если люди идут в галерею и видят картину, с которой чувствуют единение, они могут купить ее. Но если человек приходит в галерею и видит картину и признание, которое их объединяет, они могут не захотеть устанавливать с ней контакт. Но им приходится это делать. Они смущены, что почувствовали связь с живописью о матери, признающей, что она не может любить своего ребенка. И когда они отдадут карточку с признанием тому, кто собирается оформить их приобретение, они по сути, говорят этому человеку: «Я связан с этим ужасным признанием вины».

Я преклоняюсь перед ней, поэтому стараюсь не смотреть на нее с таким очевидным восхищением.

Я выпрямляюсь, но не могу стряхнуть внезапное желание поселиться в ее голове. Побродить в ее мыслях.

– Ты хорошо дискутируешь.

Она улыбается мне.

– А кто здесь дискутирует?

Не мы. Определенно не мы.

– Так давай сделаем это, итак..., - решаю я. – ... Мы разместим номера под каждой картиной, и люди смогут принести тебе номер, а не карточку с исповедью. Это даст им чувство анонимности.

Обходя стойку, я подхожу к ней и замечаю каждую крошечную деталь ее реакции. Она стала немного выше и сделала небольшой вдох.

Приблизившись к ней, забираю бумажку, затем тянусь через нее за ножницами. Пока я совершаю эти манипуляции, не смотрю на нее, но чувствую ее взгляд и ее желание установить со мной зрительный контакт.

Оглядываю комнату и начинаю считать картины. Тут она прерывает меня и произносит:

– Двадцать две.

Ей кажется неудобно, что она знает количество картин, потому что она отводит глаза в сторону и прочищает горло.

– Я посчитала их раньше... пока ты был в душе.

Она берет ножницы из моих рук и начинает резать бумагу.

– У тебя есть черный маркер?

Я достаю один и кладу на прилавок.

– Почему ты думаешь, мне нужно напечатать признания на визитных карточках?

Она продолжает скрупулезно вырезать квадраты, отвечая мне.

– Признания привлекают внимание. Они выделяют твою студию из всех остальных. Если на визитных карточках будут признания – это пробудит интерес.

Она снова права. Не могу поверить, что еще не додумался до этого. Она должна быть акулой бизнеса.

– А чем ты занимаешься по жизни, Оберн?

– Я стригу волосы в салоне, в нескольких кварталах отсюда.

В ее ответе не хватает гордости. Мне становится грустно за нее.

– Ты рождена управлять бизнесом.

Она не отвечает, и я боюсь, что, возможно, только что оскорбил ее профессию.

– Не то чтобы ты не должна гордиться тем, что стрижешь волосы, – добавляю я. – Я просто думаю твой мозг предназначен для бизнеса.

Я беру черный маркер и начинаю писать цифры на квадратных листках, от одного до двадцати двух, потому что она сказала сколько картин здесь висит, а я достаточно ей доверяю, чтобы не пересчитывать их.

– Как часто ты открываешься?

Она полностью игнорирует мое оскорбление/комплимент по поводу ее профессии.

– В первый четверг каждого месяца.

Она смотрит на меня озадаченно.

– Всего один раз в месяц?

Я киваю.

– Я говорил тебе, это на самом деле не художественная галерея. Я не выставляю других художников, поэтому редко открываюсь. Это просто то, чем я начал заниматься несколько лет назад, и это работает, особенно после того как я оказался на первой странице Dallas Morning News в прошлом году. Я достаточно хорош, чтобы открываться лишь на одну ночь и мне хватает на жизнь.

– Молодец, – восхищается она, действительно впечатленная.

На самом деле, я не пытался быть впечатляющим, но она заставляет меня немного гордиться собой.

– И у тебя всегда достаточное количество картин?

Мне не нравится, что она интересуется.

– Нет. Один раз, около трех месяцев назад, я открылся с одной-единственной

картиной.

Она поворачивается и тарашится на меня.

– Почему только одна?

Я в ответ пожимаю плечами.

– В тот месяц не было вдохновения.

Это не совсем правда. Это было, когда я впервые увлекся Палиндромом Ханной, и большую часть своего времени в том месяце потратил на то, чтобы быть внутри нее, пытаюсь сосредоточиться на ее теле, игнорируя тот факт, что у нас нет никакого умственного контакта.

Оберн не нужно знать этого.

– Какое было признание?

Я смотрю на нее вопросительно, потому что не уверен, о чем она спрашивает.

– У той картины, что ты написал в том месяце, – уточняет она. – Какая исповедь вдохновила тебя на нее?

Я вспоминаю тот месяц и ту единственную исповедь, которую, я, казалось, хотел рисовать. Несмотря на то, что это было не мое признание, теперь ощущается словно, она просит меня рассказать о чем-то сокровенном, личном, вдохновившем меня в тот месяц.

– Та картина называлась «Когда я с тобой, я думаю о всех тех великих вещах, которые я мог совершить без тебя».

Она пристально смотрит на меня, ее брови хмурятся, будто она пытается узнать мою историю через это признание.

Выражение ее лица расслабляется и продолжает смягчаться, наконец, она выглядит совсем расстроенной.

– Это очень грустно, – вздыхает она.

Она отводит взгляд, либо пытаюсь скрыть, что это признание беспокоит ее, либо пытаюсь скрыть, что пытаюсь разгадать меня через эту исповедь.

Она разглядывает некоторые из близко висящих картин, больше не смотрит на меня.

Мы играем в гляделки, и картины, по-видимому, служат вторым объектом изучения, после нас.

– Ты, должно быть, был очень вдохновлен этом месяце, потому что двадцать два – это много. Практически по картине в день.

Я хочу сказать: «Просто дождись следующего месяца», но не говорю.

– Некоторые из них старые. Они были сделаны не в этом месяце.

Я снова тянусь через нее, на этот раз за скотчем, но уже по-другому. По-другому, потому что случайно касаюсь ее руки. До сих пор, я еще ни разу не прикасался к ней. Но мы, безусловно, только что соприкоснулись.

Я не отвожу руки от липкой ленты, я хочу больше, чем случайное прикосновение, хочу удостовериться, что она абсолютно реальна.

Я хочу спросить: «Ты тоже это чувствуешь?», но не спрашиваю, потому что вижу мурашки, побежавшие по ее руке.

Я хочу бросить ленту и прикоснуться к одному из тех крошечных пупырышек, что создал на ее коже.

Она прочищает горло и делает быстрый шаг в просторную комнату, разрушая эту нашу близость.

Я дышу, освобожденный пространством, что она создала между нами. Ей, кажется, неудобно, и, честно говоря, мне и самому становится неловко, я все еще пытаюсь осмыслить то, что она, и в самом деле, здесь.

Если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что она интроверт. Кто-то, кто не привык находиться среди других людей, и уж тем более среди совершенно незнакомых ей. Она, кажется, очень похожа на меня.

Одиночка, мыслитель, художник со своей собственной жизнью.

И кажется, будто она боится, что я изменю ее холст, если только позволит мне слишком приблизиться.

Ей не нужно беспокоиться. Это чувство взаимно.

Следующие пятнадцать минут мы развешиваем номера под картинами.

Я смотрю, как она записывает название каждой исповеди на листе бумаги и соотносит ее с номером. Она действует, словно делала это миллион раз. Думаю, она может быть одной из тех людей, которые хороши во всем, что делают. У нее талант к жизни.

– А люди всегда приходят? – спрашивает она, когда мы возвращаемся к стойке.

Мне нравится, что она не имеет ни малейшего представления о моей студии или о моем искусстве.

– Иди сюда.

Направляюсь к двери, улыбаясь ее наивности и любопытству. Нахлынуло ностальгическое чувство, вспомнилась та ночь, когда я впервые открылся более трех лет назад.

Она вернула мне часть того волнения, и я мечтаю, чтобы так было всегда.

Когда мы подходим к входной двери, я срываю одно из признаний, чтобы она могла выглянуть наружу. Вижу, как ее глаза расширяются, в то время, как она

разглядывает толпу людей, которые, как я знаю, стоят у двери. Но так было не всегда. Все началось со статьи на первой странице в прошлом году, сарафанное радио увеличило поток посетителей. Мне очень повезло.

– Эксклюзивность, – шепчет она, делая шаг назад.

Я приклеиваю признание к окну.

– Что ты имеешь в виду?

– Вот почему ты так хорош. Потому что ты ограничиваешь количество дней выставки, и можешь сделать не так много картин за месяц. Это делает твое искусство более стоящим для людей.

– Так значит, у меня все получается не потому, что я талантлив? – улыбаюсь я.

Произношу это так, чтоб она поняла – я просто дразнюсь.

Она игриво толкает меня в плечо.

– Ты понимаешь, о чем я.

Я хочу, чтобы она снова пихнула меня в плечо, потому что мне понравилось, как она улыбнулась, когда делала это, но вместо этого она поворачивается лицом к студии. Медленно вздыхает. Неужели все эти люди снаружи заставили ее нервничать?

– Готова?

Она кивает и заставляет себя улыбнуться.

– Готова.

Я открываю двери, и начинается наплыв посетителей. Сегодня снаружи оказалась большая толпа, и в течение первых минут, я начинаю переживать, что это может напугать ее. Но в отличие от того, какой тихой и слегка застенчивой она казалась, когда впервые появилась здесь, сейчас она – полная противоположность.

Она расцвела, будто оказалась в своей стихии, хотя, скорее всего, в подобной ситуации она прежде никогда не была.

Но я не узнаю об этом, просто наблюдая за ней.

В первые полчаса она смешивается с гостями и обсуждает картины и некоторые признания. Я узнаю нескольких посетителей, но большинство из них – незнакомые мне люди.

Она ведет себя так, словно знает каждого. Она видит, как кто-то снимает лист с пятым номером и возвращается к стойке. Номер пять соответствует картине под названием «Я отправился в Китай на две недели, не говоря никому. Когда вернулся, никто не заметил, что я отсутствовал».

Она улыбается мне с другого конца комнаты, оформляя свою первую сделку. Я по-прежнему работаю с публикой, смешиваясь с ними, но все же наблюдаю за ней краем глаза. Сегодня внимание каждого сосредоточено на моем творчестве, но мое

внимание приковано к ней.

Она – самое интересное, что есть во всей этой комнате.

– Придет ли сегодня твой отец, Оуэн?

Я отвожу от нее взгляд, отвечая на вопрос судьи Корли, покачивая головой.

– Он сегодня вечером занят, – лгу я.

Если бы я был приоритетом в его жизни, он бы пришел.

– Позор, – отзывается судья Корли. – У меня в офисе косметический ремонт, и он предложил мне зайти посмотреть твои работы.

В судье Корли от силы чуть больше полутора метров, но его это раза в два выше. Мой отец – юрист, и проводит много времени в здании суда в центре города, где находится офис судьи Корли. Я знаю, что это потому, что мой отец не фанат судьи Корли, и, несмотря на показное внимание судьи Корли, я уверен, что и он не является поклонником моего отца.

Я называю это «Поверхностные друзья». Когда ваша дружба – это просто фасад, а внутри – вы враги.

У моего отца много поверхностных друзей. Я думаю, что это побочный эффект адвокатской деятельности.

У меня нет таких друзей. И я не хочу, чтобы они были.

– У тебя исключительный талант, хотя я не уверен, что твои работы вполне в моем вкусе, – изрекает судья Корли, обходя меня, чтобы увидеть другие картины.

Час пролетает очень быстро.

Она была занята большую часть времени, и даже когда работы не было, она находила чем заняться. Она не сидела просто за прилавком и скучала, как это делала Палиндром Ханна. Ханна довела до совершенства искусство скуки, все время подпиливая ногти в течение двух моих выставок. Я удивлен, как у нее вообще после этого остались ногти.

Оберн не выглядит скучающей. Она выглядит так, словно получает удовольствие от всего этого. Всякий раз, когда она не у прилавка, то смешивается с толпой, улыбается и смеется над шутками посетителей, которые, я уверен, считает глупыми.

Она видит, как судья Корли подходит к столу с номером. Она улыбается ему и говорит что-то, но он просто ворчит. Оберн смотрит на цифру, и я вижу, как кривятся ее губы, но она быстро сменяет выражение на фальшивую улыбку.

Ее взгляд быстро скользит по картине с названием «Ты не существуешь, Бог...», и я сразу все понял по выражению ее лица. Судья Корли покупает картину, и она знает так же хорошо, как я, что он не заслуживает этого. Я быстро шагаю к стойке.

– Произошло недоразумение.

Судья Корли смотрит на меня раздраженно, а Оберн с удивлением. Я беру номер из ее рук.

– Эта картина не продается.

Судья Корли фыркает и указывает на бумажку с номером в моей руке.

– Ну, номер висел на стене. Я думал это означает, что картина выставлена на продажу.

Я засовываю номер в карман.

– Продали, прежде, чем открылись, – отрезаю я. – Просто забыл снять номер.

Я указываю на картину у него за спиной. Одну из немногих, что остались.

– Может, вам подойдет что-нибудь из этого?

Судья Корли закатывает глаза и кладет бумажник обратно в карман.

– Нет, не подойдет, – фыркает он. – Мне понравился оранжевый цвет в картине. Он сочетается с кожаным диваном в моем кабинете.

Она ему понравилась за оранжевый цвет. Слава Богу, я спас картину от него.

Он жестом призывает женщину, стоящую в нескольких метрах, и идет к ней.

– Рут, – зовет он, – давай просто заглянем завтра в Pottery Barn. Мне здесь ничего не нравится.

Я смотрю, как они уходят, и поворачиваюсь лицом к Оберн.

Она усмехается.

– Не смог позволить ему забрать свое детище, да?

Я облегченно выдыхаю:

– Я бы никогда не простил себе.

Она смотрит за мою спину на приближающегося человека, так что я отхожу в сторону и позволяю ей творить свою магию. Проходит еще полчаса, большинство картин уже приобретены, когда последний посетитель уходит в ночь. Я закрываю за ним дверь.

Оборачиваюсь, а она все еще стоит за прилавком, расписывая продажи. У нее на лице широкая улыбка, и она даже не пытается ее скрыть. То, что ее беспокоило, когда она вошла в студию, сейчас ее совершенно не беспокоит. Прямо сейчас она счастлива, и это опьяняет.

– Ты продал девятнадцать! – восклицает она, переходя практически на визг. – ОМД (О, Боже мой), Оуэн. Ты понимаешь, сколько денег только что заработал? И ты понимаешь, я просто так использовала твои инициалы в предложении?

Я смеюсь, потому что да, я понимаю, сколько денег я только что заработал, и да,

я понимаю, что она просто так использовала мои инициалы в предложении.

И это нормально, потому что она была восхитительна. У нее, должно быть, врожденная способность вести бизнес, потому что я с уверенностью могу сказать, что никогда не продавал девятнадцать картин в течение одного вечера.

– Итак? – спрашиваю я с надеждой, что это не в последний раз, когда она помогает мне. – Ты занята в следующем месяце?

Она улыбается, но мое предложение работы делает ее улыбку еще шире. Она качает головой и смотрит на меня.

– Я никогда не занята, когда дело доходит до ста долларов в час.

Она считает деньги, разделяю счета на стопки. Она берет две сто долларовые купюры и держит их, улыбаясь.

– Это мое.

Она складывает их и прячет в передний карман ее (или Палиндрома Ханны) рубашки.

Мое прекрасное настроение от вечера начинает исчезать, как только я понимаю, что она заканчивает работу, и я не знаю, как провести с ней еще немного времени.

Я не готов расстаться с ней, пока нет, но она складывает деньги в ящик и укладывает счета в стопку на прилавке.

– Уже начало десятого, – замечаю я. – Ты, наверное, умираешь с голоду.

Я спрашиваю ее, чтобы узнать, хочет ли она чего-нибудь поесть, но ее глаза немедленно расширяются, и ее улыбка исчезает.

– Уже начало десятого?

Ее голос полон паники, она быстро поворачивается и бежит к лестнице. Я в шоке от того, как она преодолевает по две ступени за раз.

Я ожидал, что она будет спускаться по лестнице с той же поспешностью, но этого не происходит, поэтому я поднимаюсь по лестнице. Когда я достигаю верхней ступеньки слышу ее голос.

– Мне очень жаль, – извиняется она. – Я знаю, я знаю.

Она молчит в течение нескольких секунд, а затем вздыхает.

– Хорошо. Все нормально, поговорим завтра.

Когда разговор подходит к концу, я заканчиваю подниматься, задаваясь вопросом, что это за телефонный разговор, который вызывает столько паники.

Она спокойно сидит у бара, глядя на телефон в руках. Я вижу, как она второй раз за сегодня вытирает след от слез, и мне сразу же не нравится тот, кто был на другом конце разговора. Мне не нравится человек, который довел ее до этого состояния, когда всего лишь несколько минут назад она не могла перестать

улыбаться.

Она кладет телефон экраном вниз на бар и замечает, что я стою на вершине лестницы. Она не уверена, видел ли я ее слезы, но заставляет себя улыбнуться. А я видел.

– Сожалею об этом, – произносит она.

Она действительно хорошо умеет скрывать свои истинные эмоции. Так хорошо, что страшно.

– Все нормально, – успокаиваю я.

Она встает и смотрит в сторону ванной, видимо, решив, что пришло время переодеться и пойти домой. Я боюсь, если она сделает это, то я никогда ее больше не увижу.

У нас одинаковые вторые имена. Это, вероятно, судьба, ты знаешь.

– У меня есть традиция, – объявляю я.

Я лгу, но она, кажется, тот тип девушки, которая не захочет нарушить традицию парня.

– Мой лучший друг – бармен в баре через улицу. Я всегда выпиваю с ним после моих выставок. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Она еще раз смотрит в сторону ванной. Судя по ее колебаниям, я могу только сделать вывод, что она либо не часто была в барах, либо просто не уверена, что хочет отправиться туда со мной.

– Они также подают еду, – добавляю я, пытаюсь преуменьшить тот факт, что я только что попросил ее пойти в бар выпить. – В основном закуски, но они довольно хороши, а я умираю от голода.

Кажется она голодна, потому что ее глаза загораются, при упоминании закусок.

– У них есть сырны палочки? – спрашивает она.

Я не уверен, есть ли у них сырны палочки, но я скажу что угодно, лишь бы провести несколько минут с ней.

– Лучшие в городе.

И снова, на ее лице нерешительное выражение. Она смотрит на телефон в руках, затем снова смотрит на меня.

– Я..., - она кусает нижнюю губу, выдавая неуверенность. – Мне, вероятно, следует позвонить сначала своей соседке по комнате. Просто, чтобы она знала, где я. В это время я обычно дома.

– Конечно.

Она смотрит на свой телефон, набирает номер и ждет, когда на том конце ответят

на звонок.

– Эй, – говорит она в трубку. – Это я.

Она улыбается мне успокаивающе.

– Я буду сегодня поздно. Иду кое с кем выпить.

Она делает паузу на секунду, затем смотрит на меня со странным выражением.

– Хм... Да, я думаю. Он передо мной.

Она протягивает телефон ко мне.

– Она хочет поговорить с тобой.

Я шагаю к ней и беру трубку.

– Алло?

– Как тебя зовут? – задает вопрос девушка на другом конце линии.

– Оуэн Джентри.

– Куда ты ведешь мою соседку?

Допрашивает она меня монотонным, властным голосом.

– В Бар Харрисона.

– Когда она вернется домой?

– Не знаю. Может, через пару часов?

Я обращаюсь к Оберн для подтверждения, но она просто пожимает плечами.

– Позаботься о ней, – приказывает девушка. – Я скажу ей условную фразу, чтобы она использовала ее, если позвонит мне, прося о помощи. И если она не позвонит мне в полночь, сообщая мне что она в целости и сохранности, я позвоню в полицию и доложу об ее убийстве.

– Хм... хорошо, – веселюсь я.

– Передай трубку Оберн, – отрезает она.

Я передаю телефон обратно Оберн, чуть более нервной, чем раньше. По ее сбитому с толку выражению лица, могу сказать, что она слышит о правиле с секретной фразой впервые. Думаю, что она или живет вместе с соседкой не очень долго, или Оберн никуда не выходит развлекаться.

– Что?! – удивляется Оберн в телефон. – Что это за фраза такая – «Карандашный член?»

Она хлопает рукой по рту и извиняется:

– Прости, – сокрушается она, после того, как случайно выболтала ее.

Она молчит некоторое время, а затем ее лицо искажается в замешательстве.

– Seriously? Почему ты не можешь выбрать нормальные слова, вроде изюма или радуги? – она качает головой с тихим смехом. – Хорошо. Я позвоню тебе в полночь.

Она заканчивает разговор и улыбается.

– Эмори. Она слегка странная.

Я киваю, соглашаясь частью о странности. Она указывает в ванную.

– Можно я сначала переоденусь?

Я согласился, радуясь, что она вернется в ту одежду, в которой я обнаружил ее. Когда она исчезает в ванной, я достаю свой телефон, чтобы написать Харрисону.

Я: Иду выпить. Вы подаете сырны палочки?

Харрисон: Нет.

Я: Сделай одолжение. Когда я закажу сырны палочки, не говори, что не подаете их. Просто скажи, что кончились.

Харрисон: Хорошо. Странная просьба, но как скажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.